

ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЕДИНОЙ ТЕОРИИ ПСИХОЛОГИИ

В.М. Аллахвердов

ВЕЧНО ЗЕЛЕНЕЮЩИЙ ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ НА ФОНЕ СУХОЙ ТЕОРИИ

Предмет науки определяется принятой в данной науке парадигмальной теорией. В психологии такой теории нет, а потому и спор о предмете психологии не слишком конструктивен. Теория создается для идеализированных объектов, которые задают онтологию теории. В классических психологических концепциях такие объекты не вводятся, а потому они не могут претендовать на теоретическое описание. Предлагается возможная идеализация, но подчеркивается, что обсуждать надо не саму идеализацию, а построенную на ней теорию.

Ключевые слова: предмет психологии, научная теория, идеализированные объекты, психологика.

Предмет психологии трагически невидим, а наука с невидимым содержанием грозит превратиться в невидимую науку.

*Дж. Миллер, Ю. Галантер,
К. Прибрам*

«Прежде, чем начать спорить, давайте договоримся о терминах», — призывал Вольтер. И, как и положено настоящему мудрому человеку, высказав совершенно правильную идею, ошибся. Ибо о терминах договориться в принципе невозможно. Любое определение содержит слова, которые также надо определить, а потому, дабы не ходить по кругу, в основу должен быть положен минимальный словарь неопределяемых терминов. Договариваться же о смысле заведомо неопределенных терминов немислимо. Более того, нельзя даже назвать необходимое минимальное количество исходных понятий

(«семантических примитивов», как называет их А. Вежбицкая), чтобы к ним свести все богатство высказываний. За языком всегда стоит экстралингвистическая реальность. Даже лингвисты это понимают и глубокомысленно подчеркивают: уже наименование какого-либо предмета предполагает предварительное знание этого самого предмета [8, с. 39]. Все высказывания понимаются лишь с точностью до мысли или поступка, а не до слова. Поэтому уточнение терминов — конечно же, полезное и важное дело, но только если мы еще до начала разговора уже понимаем стоящие за этими терминами факт, мысль или действие.

Соответственно, и научные термины могут быть определены только в рамках фактуального высказывания, описывающего непосредственно наблюдаемое, научной теории, обрисовывающей заранее понимаемую ненаблюдаемую

реальность, или научной технологии, предписывающей систему необходимых действий. Если термин не имеет фактуального, теоретического или прагматического значения, *то в данной науке* не обозначает ничего. Для психологии, где категориальному аппарату отводится едва ли не решающая роль, это, наверное, крамольная мысль. К сожалению, немало весьма распространенных психологических терминов действительно ничего не обозначают. Мне уже довелось писать о сюрреалистическом остроумии психологической терминологии [3]. Бессодержательная игра с терминами занимает едва ли не половину всех психологических текстов. Да и от студентов более всего требуют умения определять термины. А коли бедный студент не способен терминологически отличить ощущение от восприятия, личность от индивидуальности или состояние от свойства, его с позором выгоняют с экзамена, хотя нет двух специалистов по связанным с данными понятиями областям, кто имел бы хотя бы приблизительно одинаковое научное понимание этих загадочных слов.

Поэтому, на мой взгляд, не слишком конструктивно пытаться найти определение предмета любой науки вне прагматической задачи или теоретической конструкции. В чем, например, предмет науки физики, или филологии, или геометрии? Фактуальный ответ очевиден. Физика — это наука, которой занимаются физики, а филология — это наука, которой занимаются филологи. Но если сами физики помещают такой ответ в сборник «Физики шутят», то практические психологи, пытающиеся вытеснить с рынка услуг всевозможных шаманов и целителей, приписывают данному ответу уже прагматический смысл: психологи-

ческие услуги могут оказывать только дипломированные психологи. Да и как иначе решить, какой метод научен, а какой — нет, если справедлив принцип Мейхенбаума — клиенту помогает любой метод, в который он верит. Впрочем, не думаю, что определение психологии как науки, которой занимаются дипломированные психологи, будет кем-нибудь всерьез признано удачным, хотя бы потому, что Г. Фехнер, В. Вундт, У. Джеймс, З. Фрейд, Л.С. Выготский и многие другие великие психологи — основатели нашей науки — не получали высшего психологического образования.

Вопрос о предмете психологии, скорее всего, может решаться только в рамках теории, которая психологическим научным сообществом принимается как парадигмальная. Когда физики говорят, что физика изучает вещество и энергию, они тут же добавляют: ну а что такое вещество и энергия — это станет ясным после изучения всего курса физики, т.е. после ознакомления с физической теорией. Но существует ли в психологии теория, которая может претендовать на общепризнанность? В замечательных «Трудах Ярославского методологического семинара» [10], посвященных как раз предмету психологии, обильно обсуждают качество теоретической психологии и, мягко говоря, не приходят в восторг. Ф.Е. Василюк признает «неожиданное обилие общих психологий» и вторит Л.С. Выготскому: отсутствие единой общей психологии — симптом недоразвитости нашей науки, «своего рода уродство методологического тела психологии» [10, с. 12–13]; И.П. Волков добавляет: психологическая наука расщеплена на множество не стыкуемых областей знаний о психике, «прорех в научной

психологии так много, что если просветить ее на солнце, она будет похожа на решето» [10, с. 33–34]; Ю.А. Гагин: в психологии отсутствуют единый язык и единая логика объяснения [10, с. 46]; В.П. Зинченко: «психологические данные, методы, даже теории представляют собой рой, а не строй» [10, с. 101]; В.В. Козлов: «Современная ситуация в психологии напоминает строительство Вавилонской башни» [10, с. 195] и т.д. Но пока нет всеми признанной теории, психология не может иметь единого предмета.

Но вначале рассмотрим, что является предметом рассмотрения научной теории. Так как никакая теория не может учитывать все факторы, влияющие на изучаемый процесс, то она выбирает только такие, которые позволяют увидеть сущность процесса «в чистом виде». Методологи науки говорят об этом так: научная теория описывает не реальные, а идеализированные объекты (стандартные примеры: материальная точка без длины и ширины, не деформируемое при сжатии абсолютно упругое тело, идеальный газ, математический маятник и проч., и проч.). Этим объектам приписывается поразительное свойство — не обладать чем-то таким, без чего объект в реальности существовать не может. «Процедура идеализации, — пишет А.С. Кармин [7, с. 609–610], — заключается в мысленном увеличении или уменьшении какого-либо параметра, свойственного реальным объектам, и предельном переходе к его бесконечно большому или нулевому значению, которое в реальности не осуществимо (например, в механике идеализированный объект “точечная масса” получается путем сведения к нулю объема материального тела)». Именно идеализированные объекты

играют роль фундаментальной идеи, на которую опирается все здание теории, задают онтологию теории, позволяют увидеть процесс в незамутненном несущественными обстоятельствами виде. Б.С. Грязнов [6, с. 231] в связи с этим удачно определяет науку не как реалистическое изображение действительности, а как шарж, карикатуру, которая намеренно выпячивает, подчеркивает одни черты реальности, заведомо пренебрегая другими.

Следовательно, в качестве объекта психологической теории не могут выступать ни душа, ни сознание, ни психика, ни деятельность, ни установка, ни отношения, ни смысл, ни гештальт, т.к. эти абстрактные понятия предназначены для описания существующей, а не идеализированной реальности. А теории, повторюсь, изучают идеальные объекты (их еще называют теоретическими моделями). Выбор такого объекта — всегда рискованный акт для ученого, потому что он заведомо неверен, но может принести удивительные плоды, если окажется удачным. Проще всего мне продемонстрировать переход от выбора идеализированного объекта в психологической теории к представлению о предмете психологии на собственном примере.

В качестве идеализированного объекта теории я предложил рассматривать *идеальный мозг*, на который не наложено никаких ограничений по приему, хранению и переработке информации. Тем самым предполагается, что такой мозг воспринимает всю поступающую к человеку информацию, в полном объеме хранит с отметкой о времени ее поступления и перерабатывает всеми возможными способами и делает это с мгновенной скоростью. Это, разумеется, идеализация, т.к. и у реального человека, и у реального мозга

обязательно имеются какие-то ограничения (например, по скорости прохождения нервного импульса, по конечному числу нейронов и т.д.). Зачем же вводится такое представление? Да потому, что нейрофизиологические процессы настолько превосходят работу сознания по скорости и объему переработки информации, что по отношению к сознанию мозг вполне может рассматриваться как идеальный. А из этого, в частности, следует: все ограничения на протекание психических процессов следует обосновывать не физиологическими барьерами, а логикой работы сознания. Засим остановлюсь, ибо тут не место подробно обсуждать мои теоретические конструкции (см. о них [1; 2; 5 и др.]). Рассмотрим лишь следствия такого подхода для выделения предмета психологии.

Объектом изучения психологии, как и многих других наук, является человек. Психология, как и любая другая наука, выделяет только одну – свою – сторону исследования этого объекта. Эта выделенная сторона рассмотрения и является предметом науки. В духе введенной мной идеализации следует рассматривать человека как существо, призванное решать исключительно познавательные задачи, не отрицая того, разумеется, что в реальности для того, чтобы познавать, необходимо еще и поддерживать жизнедеятельность. Отсюда: цель организмов, обладающих сознанием, – не выживание, а познание. *И все психические явления суть явления познавательные.* Фактически такая позиция представляет собой версию радикального когнитивизма. (Сравните более завуалированное высказывание в более привычных когнитивистских пассажах: «человеческий организм – это информационный процессор, перерабатывающий

внешний мир в символы» [11, с. 87]). Эта позиция противостоит нонкогнитивизму, полагающему, что существуют психические явления – такие, например, как воля или духовные ценности, которые нельзя отождествить с познавательными (см. [9]). Я же рассматриваю всю психику (включая и волю, и эмоции, и духовные ценности) либо инструментами познания, либо результатами познавательной деятельности.

Итак, если принять введенную мной идеализацию, то предметом психологической науки является человек как идеальная познающая система. Такой взгляд определяет и главную проблему психологии, требующую разрешения: если мозг идеально приспособлен для познания, то зачем ему для познания еще нужно сознание, что именно оно делает? Без понимания этого, уверен, бесперспективен поиск физиологов локализации сознания в мозге. Конечно, можно искать то, не знаю что, можно даже нечто найти, но беда в том, что никогда нельзя доказать, что нашел именно то, что искал.

Я привел пример собственных построений отнюдь не для того, чтобы доказывать правильность моего представления о предмете психологии. Вряд ли сейчас кто из психологов, кроме, может, горстки моих учеников и последователей, признает сказанное мной здесь достаточно понятным. Мне хотелось лишь пояснить, почему, на мой взгляд, не слишком конструктивно спорить о предмете психологии. Предмет любой науки не только трагически невидим, но и в силу идеализации не существует в реальности. Спорить надо о психологических теориях, выделяющих предмет своего изучения: насколько эти теории непротиворечивы, насколько эвристичны, т.е. способствуют порождению

новых идей, насколько обладают объяснительным потенциалом, насколько они открыты к экспериментальному опровержению и насколько способны предсказывать новые явления.

Сегодня, особенно в нашей стране после длительного периода идеологического прессинга, высоко ценится отказ от теоретического единства науки, звучат призывы к методологическому либерализму и даже к плюрализму. Такие призывы, конечно, очень важны для практиков. Ведь они не могут принять какую-то одну из многих существующих в психологии концепций и боятся, что им назначат одну из них как «единственно правильную». Отсюда и призывы к «принципиальному эклектизму» (Г. Оллпорт) или, что одно и то же, к интеграции всего со всем, к полному равенству всех психологических школ и их представителей (В.В. Козлов). Практиков можно понять: все основные сегодняшние концепции, конечно же, содержат в себе глубокие идеи, но в целом, скорее всего, все они ошибочны [2; 4]. А потому навязывание любой одной из них действительно опасно. Но мне кажется, не стоит бояться теории, если она верно описывает реальность, — ну, хотя бы настолько же верно, как теория И. Ньютона в физике¹. Такая теория

¹ Пусть сегодня пересмотрены ее основания, а разработанный аппарат трактуется как частный случай более общей теории, все равно теория И. Ньютона для практиков «работает» достаточно хорошо.

не только ничего полезного не запретит, но, наоборот, откроет для практиков совершенно новые и более эффективные способы деятельности.

Литература

1. Аллавердов В.М. Опыт теоретической психологии (в жанре научной революции). — СПб., 1993.
2. Аллавердов В.М. Сознание как парадокс. Экспериментальная психология. — СПб., 2000.
3. Аллавердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. — СПб., 2003.
4. Аллавердов В.М. Блеск и нищета эмпирической психологии (на пути к методологическому манифесту петербургских психологов) // Психология. Журнал высшей школы экономики. — 2005. — Т. 2. — № 1. — С. 44–65.
5. Аллавердов В.М. и др. Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного. — СПб., 2006.
6. Грязнов Б.С. Логика, рациональность, творчество. — М., 1982.
7. Кармин А.С. Культурология. — СПб., 2001.
8. Кубрякова Е.С. Язык и знание. — М., 2004.
9. Максимов Л.В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. — М., 2003.
10. Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. — Ярославль, 2004.
11. Смит Н. Современные системы психологии. — СПб., 2003.